

Ася Михеева

МОСТ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М69

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Иллюстрации *Дарьи «Kilgarra» Гурьевой*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Алисы Плис*

Михеева, Ася.
М69 Мост: [роман] / Ася Михеева. – Москва: Издательство АСТ, 2022. – 445, [1] с. – (Дети Великого Шторма).

ISBN 978-5-17-147036-4

Любой мост – это труд, затраченный на создание близости между людьми. В предельном случае мосту безразлично, как далеко друг от друга в пространстве, времени или типе реальности те, кого он должен связать. Но постройка и поддержание в рабочем состоянии предельного инженерного сооружения – занятие не простое.

Жил да был человек, который придумал себе такую жену, чтобы она могла выдержать всё, что ему сулило будущее. Вот только он забыл задаться вопросом – а выдержит ли эту женщину его будущее, сама его реальность, что будет с ним самим – и выстоит ли Мост.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-147036-4

© Ася Михеева, текст, 2022
© Дарья «Kilgarra» Гурьева, ил., 2022
© Алиса Плис, обложка, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

I

РОДИТЕЛИ КОРОЛЕЙ

— Знаешь, отец, мы все уже столько раз проговорили... Но мне как-то не по себе.

Отец отставляет чашу и задумчиво стучит худыми старческими пальцами по столу.

— Тебя смущает то, что ты вынужден создавать женщине проблемы? Толкать ее в беды, вместо того чтобы пронести через них на руках?

Сын отворачивается, чтобы подумать, затем медленно кивает.

— А как еще ты можешь дать ей понять, что ее ждет, — мягко говорит отец, — если она испугается... или не справится... Она ничего не потеряет. Вернется туда, где она сейчас.

Отец молчит, внимательно глядя на сына.

— Или тебя пугает именно такая возможность?

Сын криво улыбается и встает.

— Пора. Когда-нибудь надо начинать.

— И что же будет первым? Любовь? Материнство?... — спрашивает отец.

— Честь, — отвечает сын.

1. УСКОРЕНИЕ

С моей точки зрения, началом этой, еще неоконченной, истории является Мирей. Если бы не ее застарелое одиночество, незаметно перешедшее в остервенелость, возможно, ничего бы и не было. И двадцать шесть детей Петеана Навигена по-прежнему спали бы в щели каменного подвала, свернувшись единым комком плоти, и в Городе над Мостами по-прежнему правил бы узурпатор; но тридцатипятилетняя женщина, прекрасная, как певица, по имени которой я ее зову, была одинока. А это, само собой, никогда просто так не кончается, что бы ни говорила нам статистика, живая, как и положено любой науке, служащей посторонним интересам.

А мы работали — и, надо сказать, работали неплохо. Непосредственное начальство только и знало поднимать планку средних норм, склад отпускал, бухгалтерия считала, курьеры успевали с бумагами, а грузовой отдел — с товаром. Нет, понятно, что без накладок не обходилось. Но мы решали текущие проблемы играючи, потому что мы были командой, и любое подразделение нашего филиала могло спокойно договориться с другим, а все вместе — с головным офисом. Исключением была служба инспекции склада. А точнее, представитель этой службы по нашему городу. А точнее — Мирей.

Я младше ее на три года и тоже на тот момент одинока, почему смотреть на нее и слушать от коллег об очередном ее закидоне было просто страшно. Как становятся такими, прости господи, суками? Ведь не в один же момент?

Ну и, собственно, в тот день она приперлась на несчастный новогодский склад учитывать полугодовым учетом ровно то, что она — молчите, люди, — ровно позавчера закрыла как учетное кварталным учетом. Я забежала к новогодским, чтобы мне поскорее погрузили все, что должно было быть отгружено еще в первый день предыдущего учета, увидела ее в коридоре, и меня затрясло. Если Мирей опять здесь — все, конец складу еще на неделю. Клиент меня уроет и, натурально, будет прав.

Она шла, надменно закинув голову, по скромному беленому коридору мне навстречу. Свет из окна у меня за спиной падал на бледное лицо под гладкой французской челкой и играл на пачке распечаток, прижатых к пиджаку. После того, что она наговорила мне и моим ребятам на предыдущей проверке, здороваться не приходилось и думать — поняв, что недостатки на базе отсутствуют как класс, Мирей додумалась обвинить нас в подделке документов — вроде как «слишком чисто». Ну а после того как я отъехала по ней и ее «сомнительному профессионализму» всей тяжестью скорпионьего ехидства, понятно было, что и она со мной вряд ли поздоровается.

Мы встретились глазами за два шага до того, как столкнуться, и решение проблемы случилось само собой. Это было похоже на то, как человек решается на убийство — иногда желание освободиться от нарастающего идиотизма становится настолько сильным, что о последствиях уже не думаешь.

Я схватила Мирей за плечи, прижала к стене (шурша, посыпались мультифторки с документами) — ис-

I. РОДИТЕЛИ КОРОЛЕЙ

пуганные глаза — и крепко поцеловала ее. Черт побери, — думала я, уходя в пространство ее отчаяния и недоверия, — черт побери, кто-то же однажды должен это сделать, пока нож в ее кухонном столе еще не заточен — ах, он заточен? — тем более, — если мужчина ее мечты все еще курит ганджу и пускает дым в форточку дома нелюбимой, но такой предсказуемой толстухи и не идет через большой город туда, где может встретить Мирей, — кто-то же должен упереться плечом и стать тем, кого она сможет не бояться... Почему бы не я? Если пальчик ни одного мальчика не поднимается на то, чтобы заткнуть струйку небытия, которое точится сквозь плотину по имени Мирей... Ну, значит, это будет девочкин пальчик.

Она даже пыталась вырваться. Первые пару минут. Я чувствовала вкус ее крови из рассаженной губы, мягкая сладость вишневой помады растворилась в горечи — она недавно пила кофе, настоящий вареный кофе без молока и сахара, — ее зубы столкнулись с моими и отступили, ее язык осторожно прикоснулся к моим губам.

Она поверила.

«Где ты был столько времени?» — спросили ее глаза, когда я посмотрела на нее.

«Я пробивался сквозь леса и горы, любимая, и я успел», — ответил тот, кого она видела во мне.

— Поехали домой. Забери эти бумажки, и уезжаем, — сказала я, — работа подождет до завтра.

На лицах людей, мимо которых я вела Мирей за руку, вспыхивало такое облегчение, что мне показалось: ни один из них даже не заметил помады, размазанной по нашим лицам, и известки на дорогом пиджаке Мирей. Кстати, потом оказалось, что так оно и было.

Я засунула Мирей в первое попавшееся такси — где ты живешь? — да, езжайте, только не туда, куда она сказала, а в ближайший к тому месту супермаркет, — ее трясло в кольце моих рук, не женщина, воробушек, лицо блеее молока, — и вот я сую таксисту пятисотку, фиг с ней, со сдачей, заберите себе, — и вот я тащу ее за руку по непривычно полупустым переходам гипермаркета, ржаные булочки, и топленое молоко, и сыр, и пучок укропа, и карамельный пудинг, и молотый кофе, и шоколадные пирожные на утро...

Да, я буду твоим домом и твоим обетованием, черт возьми; если Господь не прислал тебе кого-либо более подходящего, пусть не ворчит, что все срастается не так, как нужно... И все, что я чувствую, это иронию берсерка в прыжке через борт вражеского драккара, и ничего, кроме свиста заносимого над головой топора. Делай, что должен.

Она действительно совершенно не умеет готовить. Она сидит, поджав ноги к подбородку, и замороженно смотрит, как я шурую вокруг плиты. Она все время зябнет — когда я не обнимаю ее. Она дуется, выгребая мои носки из-под кровати (я запикиваю их туда каждый вечер, преодолевая желание поднять и сложить в ящик со стиркой), и она гладит мою одежду, «потому что у тебя все равно так не выйдет». У нее огромные голубые глаза, робкие и полные нежности.

Да, работу ей пришлось поменять. С понижением в должности, с изрядной потерей в зарплате — но кому, скажите, нужна в бизнесе безмятежно улыбочивая женщина, склонная уступать и соглашаться?.. Но по большому счету она не потеряла по деньгам. Я покупаю еду и плачу за квартиру.

І. РОДИТЕЛИ КОРОЛЕЙ

— Вот что, — говорит мне Хэм, когда я как-то забегаю в паб без Мирей, — ты позволишь мне задать от лица всей компании пару идиотских вопросов? Мне, конечно, страшно, но я человек поживший, уже не сказать, что безвременно погибну, верно?

Я невольно фыркаю.

— Ну, в крайнем случае я тебя пивом оболью.

— Идет, — быстро отвечает Хэм, — вот скажи, ты помнишь, в ту пятницу Гершеле приходил с женой?

— Да-а-а-а, — отвечаю я и невольно улыбаюсь, — какая же обалденная у него жена! Кудри, э-э-э, обводь... Глаза зеленые...

— О да. А вот теперь скажи — ты когда на нее обратила внимание?

— Как когда? Ну вот, Гершеле подходит к столу нашему и говорит, что-де вот, знакомьтесь, супруга...

— Ло, — говорит Хэм веско, — открою тебе небольшой секрет. В этот момент большинство мужиков *перестали* ее видеть. Объяснять надо?

Я молча качаю головой.

— Второй идиотский вопрос, — объявляет Хэм и глядит в стакан, — а твоя подруга ты знаешь куда смотрела в это время?

Я задумываюсь. Нет. Не знаю. Где она сидела, конечно, знаю — а куда смотрела?

— Так вот, Ло, она смотрела на тебя. И когда ты увидела гершелевскую женушку, то начала бледнеть. А вот когда ты попялилась в свое удовольствие, а потом встала и ушла с Джонсоном за киями, порозовела обратно.

— И что ты хочешь этим сказать?

— И ты, и твоя девочка такие же лесбиянки, как я испанский летчик, — припечатывает Хэм; — просто то, что происходит в ее голове, понять можно — она считает тебя мужиком и во всем исходит из этого. Я бы так

бледнел, когда ты с Джонсоном играешь — Джонсон плечистый и развелся недавно.

Я пожимаю плечами.

— А что происходит в твоей голове, я не понимаю. И, как я вижу, ты мне тоже не объяснишь.

Молча киваю.

Я ношу ее на руках и утешаю, когда ей снятся кошмары, я встречаю ее у метро после работы. Она начала заговаривать о ребенке. Иногда — отстраненно — я понимаю, что, стоит мне задуматься о том, что же ожидает меня, ту, кем я себя всегда считала, — и я закричу. Но все это — где-то далеко, за стеной дождя, за стеклянной призмой, а берсерк все летит в прыжке, и верный топор рассекает воздух навстречу перекошенным в ужасе вражеским лицам. ...И будь что будет.

Мы отдыхаем в моей компании — свою она забросила с тех пор, как одна из ее подруг попыталась меня склеить. Я, естественно, засмеялась прямо той мадаме в лицо, но Мирей перепугалась всерьез и больше в те края ни ногой. У нас же все проще — и как-то подинамичнее, то одна новая физиономия, то другая, кто понравится, те задерживаются, и наших становится больше. По пятницам в пабе сдвигают три стола вместе и не сажают туда посторонних.

Герхардта привел, кажется, Джонсон, но я уже не помню. Забавный мрачноватый парень, серьезно относящийся к проигрышам в русский бильярд, особенно когда его «делает» женщина. На Хэма и Гершеле он не напрягался, а меня несколько раз звал на «еще раз» в надежде отыгратья. Мирей уехала на три недели к матери (и, как я подозреваю, пройти профилактику в родном Центре планирования семьи), и мне стало непро-

I. РОДИТЕЛИ КОРОЛЕЙ

сто удерживаться в роли. Герхардт, по счастью, был для меня неинтересен: ну что за ребячество — всерьез дуться из-за пятничного проигрыша? — а друзья уже записали меня в «правильные мужики» и не беспокоили.

А потом вернулась посвежевшая на провинциальных харчах, розовая и веселая Мирей. Герхардт в ближайшую пятницу крепко озадачился, едва не сломав об нас глаза. Похоже, кто-то из ребят ввел его в курс ситуации, чем нагрузил еще больше. Было, конечно, ощущение, что Герхардт что-то задумал. Но — честно сказать — все его задумки беспокоили меня не больше политических дразг в телевизоре, что висит в пабе под самым потолком. Пошумят-пошумят, а потом опять футбол. Поэтому в следующую пятницу, когда Герхардт позвонил Хэму и спросил, можно ли прийти с шефом, я ничуть не подумала, зачем бы ему это понадобилось.

Герхардтовский шеф ухмылялся, глядя на меня сверху, и раскачивался на носках, повторяя мое имя.

— Значит, вот так? Спасибо, Герти, я *буду* сюда захаживать, конечно, с вашего позволения, джентльмены...

Герхардт слегка нахмурился в ответ на такое обращение, но не скукислся — и вообще вел себя непривычно спокойно, неторопливо выпивал, отказался играть с Джонсоном — «ты что, не знаешь, что в бильярде я полный дятел?».

От присутствия шефа (как его зовут, конечно, всем сказали — только я умудрилась не услышать, а переспрашивать было почему-то неловко) я переставала понимать, что в пабе происходит. В накуренной шумной комнате был он, его движения, его голос, отзывающийся у меня в груди холодным эхом, алкоголь у меня в крови — на удивление быстрый и настойчивый, — кажется, надо попросить кофе. И, кстати, Мирей должна уже почувствовать неладное и испугаться. Как это я потеряла ее из виду?

К счастью, она отошла, танцует. Герхардт? Хы, молодчина. Я-то с Мирей не танцую — нечего демонстрации разводить, а с парнем она пойдёт не со всяким.

Следующую неделю Мирей была тиха и предупредительна так, что я начала беспокоиться. Что-то не того со здоровьем? Что-то задумала?.. А в пятницу вечером, после упоительного турнира, на котором я дважды сделала Джонсона, Гершеле управился против меня всего один раз, а герхардтовский шеф не выколотил из меня ничего, кроме ничьей, — прямо перед закрытием я увидела, как Мирей плачет в плечо Герхардта, а он смотрит на меня холодным взглядом победителя.

Она подбежала ко мне и запнулась на последнем шаге. Испуг, беспомощность, стыд — голубые заплаканные глаза.

— Прости меня... Прости.

Берсерк внутри меня расхохотался и со звоном сломал оружие того, кто бежал по скользкой палубе ему навстречу.

— Ласточка моя, ведь это не ерундовое увлечение? Я верю. Пусть будет так. Я справлюсь. Ты знаешь — я сильная. Лети.

Я взяла ее руку и поцеловала пальцы, затем подняла и выпустила. Не смотреть на Герхардта. Пусть он видит влагу на моих глазах, но пусть не догадывается, что это слезы облегчения. Мирей будет его трофеем — и тем бережнее он будет с ней обращаться. Я развернулась и выскочила на улицу. Валил снег, окутывая фонари пляшущими облачками. Лицо вскоре стало мокрым. Сигарета кончилась в три затяжки.

Значит, я все сделала правильно? Любимая женщина — востребованная женщина? Стрижи не взлетают с земли, их надо подбросить — лети, ласточка. Тебе тоже не нужно видеть моего облегчения.

1. РОДИТЕЛИ КОРОЛЕЙ

На мои плечи легла теплая сухая ткань — и две ладони.

— Что, дело сделано? — Шепот взъерошил мне волосы на затылке. — Сосватала сестренку?.. Может, теперь и о себе вспомнишь?

Руки скользнули по моим локтям, оставив куртку согревать меня, — и исчезли.

— Да, запомни, — сказал он перед тем, как сесть в машину, — меня зовут Бран. Я хочу, чтобы ты это не забыла. Повтори.

— Бран, — шевельнула я губами.

— Вот так. Я думаю, ты меня найдешь.

Снег вился вокруг фонарей, а я стояла в куртке, рукава которой доходили мне до колен, и молчала. Берсерк опустил окровавленный топор и вытер лицо. Легко касаясь разрубленной ключицы, валькирия приподнялась на цыпочки и прижалась к его щеке.

2. ИНЕРЦИЯ

Женщина (нет, девушка. Совсем молоденькая девушка) стоит на виадуке, крепко держась за перила обеими руками. Перила с виду стеклянные.

Виадук выныривает из путаницы домов, садов и улочек, возносится над городом и возвращается в улочки, сады и дома. Ничего такого, что требовало бы обхода поверху, девушка под виадуком не видит, хотя разглядывает город уже довольно долго. Наконец она выпрямляется. Тяжелая копна волос падает с плеча на спину, девушка слегка теряет равновесие и неловким жестом перекидывает длинные волосы вперед.